

Лу Янь не хотел лишний раз контактировать с Цзян Синем — не только потому, что тот никак не мог оставить его в покое, но и из-за того, что внутри самого Лу Яня шевельнулись чувства, которым он не мог найти объяснения.

Сам он считал ситуацию до абсурда нелепой, даже какой-то нереальной. Раньше он никогда ни к кому не испытывал подобного, в глубине души он всегда отвергал саму возможность начала отношений. В его понимании ни одна любовная история не заканчивалась хорошо. Если в финале всё равно ждали разлука и боль, то зачем вообще начинать? Он даже не понимал, откуда у него взялись такие мысли и почему он был так твердо уверен в неизбежности финала.

Но стоило его взгляду встретиться с жарким, чистым блеском глаз Цзян Синя, как слова отказа застревали в горле. В воздухе между ними повисло напряжение, а теплый желтый свет фонарей, падая на них, окутывал атмосферу налетом двусмысленности. Прямой, ничуть не смущенный взгляд Цзян Синя словно притягивал Лу Яня, горячо и откровенно сообщая о желании поужинать вместе.

Даже Лу Чэнфэн и помощник Сунь затаили дыхание, боясь, что лишний звук помешает этим двоим.

Но нашлись те, кто не видел ситуации в истинном свете. Выйдя из полицейского участка и заметив двоих мужчин под фонарем, они в панике бросились к ним. Им хотелось упасть в ноги Лу Яню и молить о пощаде, но, натолкнувшись на его ледяной, отстраненный взгляд, они замерли, однако всё же не удержались от слезных просьб:

— Господин Лу! Господин Лу, умоляем, простите нас! Мы уже поняли свою ошибку! Мы не должны были оговаривать вашего сына, не должны были пытаться переложить на него вину, не должны были надеяться, что всё само утрясется! Мы согласны на любые ваши условия, лишь бы решить это дело в частном порядке!

— Да, господин Лу, будьте милосердны! Дети еще совсем маленькие, если они сядут, вся их жизнь будет разрушена!

— Дайте им еще один шанс! Они всё осознали, господин Лу.

— Господин Лу, мы обязательно выплатим компенсацию юному господину Лу, мы сделаем всё, чтобы он остался доволен.

— Юный господин Лу, скажите, чего вы хотите? Чего угодно! Вы ведь ровесники, сможете еще подружиться, обязательно найдете общий язык.

Цзян Синь, наблюдая за их раскаянием, не испытывал ни капли жалости. Он прекрасно понимал: эти люди жалеют не о том, что их дети творили зло, не о том, что они не смогли их воспитать, и не о том, что другие ученики пострадали. Они жалели лишь о том, что наткнулись на неггибаемого Лу Яня, и о том, что не откупились деньгами сразу, пока дело не дошло до

точки невозврата. Они даже жалели, что сами не были такими же влиятельными и богатыми, как Лу Янь, — будь они сильнее, сейчас бы уже Лу Янь молил их о пощаде.

Разве мог Цзян Синь позволить таким ученикам вернуться в школу? Куда бы они ни перевелись, для других учеников это стало бы катастрофой. Поэтому он, стоя рядом с Лу Янем, язвительно поддел родителей:

— Папа Чэнфэна, они вас ни во что не ставят. У вас такие возможности, неужели вы не можете дать Чэнфэну всё, что нужно?

Родители, заливающиеся слезами, едва не захлебнулись от ярости. Они подняли головы, глядя на Цзян Синя с нескрываемой ненавистью. Если бы не он, всё не закончилось бы так плачевно!

Лу Чэнфэн лишь холодно усмехнулся:

— Вы до сих пор ничего не поняли? Просить меня или моего отца бесполезно, лучше просите учителя Цзяна.

Разве было не очевидно, что отец действовал в основном по указке учителя Цзяна? Да и он сам — если сегодня у него и появился шанс совершить благородный поступок, то лишь благодаря руководству Цзян Синя.

Но смириться перед человеком без власти, денег и связей? Это казалось им унижительным! Они ни за что не согнули бы спину перед таким, как Цзян Синь. Им оставалось лишь продолжать заискивающе улыбаться Лу Яню. Их лица, застывшие в гримасе между плачем и улыбкой, выглядели жалко, от бывшей напускной чопорности не осталось и следа.

Лу Янь и без того был не в духе, а этот шум начал его раздражать. Его лицо заметно помрачнело, а в глубине глаз закипала едва сдерживаемая ярость. Даже помощник Сунь тихонько отступил на полшага.

Цзян Синь почувствовал, что терпение Лу Яня на исходе. Про себя он проклял эту толпу: еще пара минут, и, возможно, удалось бы напроситься на ужин, а теперь Лу Янь выглядел так, будто готов сесть в машину и уехать.

Лу Янь действительно собирался уйти. Он только сделал шаг, как Цзян Синь подался вперед и схватил его за запястье. Его тонкие, бледные, изящные пальцы легли на черный рукав пиджака, отчего кожа казалась еще светлее.

Цзян Синь не сжимал руку, лишь слегка касался, и, повернувшись к родителям, произнес:

— Если продолжите здесь скандалить, мы снова вызовем полицию. Пусть вас заберут следом, как раз составите компанию своим детям!

Лу Янь тоже подал голос, его тон был тяжелым, а слово — коротким:

— Вон.

Этот голос ударил по всем, словно тяжелый барабанный бой. Даже Цзян Синь вздрогнул. А затем он увидел, как родители уставились на него. Цзян Синь сделал невинное лицо и придвинулся к Лу Яню еще ближе:

— На меня-то чего смотреть? Папа Чэнфэна явно к вам обращается, не ко мне. Мы с ним в прекрасных отношениях, с чего бы ему меня гнать?

Помощники за спиной у них онемели. Seriously? Откуда у этого учителя столько смелости, чтобы хватать господина Лу за руку? И с каких это пор они в прекрасных отношениях? У них даже в WeChat друг друга нет, если бы не помощник, они бы и парой слов не обменялись!

Лу Чэнфэн был потрясен наглостью Цзян Синя. И, что самое удивительное, его отцу, похоже, это даже нравилось — он не возразил и не стряхнул руку! Лу Чэнфэн вспомнил слова Цзян Синя о том, что тот хочет стать его мачехой. Неужели он действительно собирается им стать? И, к своему удивлению, Лу Чэнфэн понял, что эта мысль его уже не так сильно отталкивает.

Когда родители, поджав хвосты, удалились, Цзян Синь заметил, что Лу Янь смотрит на него холодным взглядом, словно говоря: «Ты тоже вон».

Цзян Синь крепче сжал запястье Лу Яня и принялся отчаянно подгонять систему: «Быстрее! Дай ему хоть немного терпения, ну же!»

Система мгновенно совершила покупку и применила услугу к Лу Яню. В то же мгновение, глядя в мерцающие глаза Цзян Синя, Лу Янь словно увидел обиду и разочарование от того, что его прогоняют. Сердце Лу Яня без всякой причины смягчилось, а раздражение в глубине глаз начало отступать.

В конце концов он всё же отцепил руку Цзян Синя и, пока тот праздновал победу вместе с системой, бросил:

— Поедешь в одной машине с Чэнфэном.

Лицо Цзян Синя просияло, казалось, оно светилось от радости, переполнявшей его изнутри. Система в его голове даже устроила фейерверк: «Успех! Получилось! Наконец-то получилось!»

Но, выпустив половину салюта, система призадумалась: «Постой, ты стал на шаг ближе к тому, чтобы стать мачехой, а мне-то что с того? Какое отношение это имеет к заданию по исправлению?»

Цзян Синь подошел к Лу Чэнфэну, обнял его за плечи и с торжествующим видом прошептал системе: «Что ты понимаешь? Дальше — больше, просто смотри!»

Вслух он добавил, не скрывая самодовольства:

— Пошли, пошли! Пусть твой папа угостит нас шикарным ужином!

Лу Чэнфэн скривился, демонстрируя пренебрежение:

— Деревенщина, я не голоден до ужинов.

Цзян Синь не обратил внимания на его колкость:

— А я голоден! Еще как! Интересно, поведет ли нас твой папа в самый дорогой ресторан, чтобы заказать самые дорогие блюда?

Лу Чэнфэн закатил глаза, не желая продолжать разговор.

Когда они сели в машину, Цзян Синь не унимался. Вспоминая события дня, он всё еще был взбудоражен, но с легкой грустью заметил:

— Сяо Фэн, мне кажется, мы всё же слишком легко отпустили тех учеников и их родителей. Интересно, сколько еще ребят в школе грабили и шантажировали эти мерзавцы? Как думаешь, узнают ли другие пострадавшие и придут ли требовать компенсацию?

Цзян Синь надеялся, что другие жертвы тоже смогут добиться справедливости.

Лу Чэнфэн посмотрел на него, и внутри что-то дрогнуло:

— Ты хочешь, чтобы они заплатили сполна?

Цзян Синь покачал головой:

— Я хочу, чтобы пострадавшие получили компенсацию и увидели, что их обидчики — не боги, что их можно победить. Может, это хоть немного залечит их раны.

В голове Лу Чэнфэна промелькнула мысль: мир, который казался ему неполным, начал постепенно обретать целостность. Но это ощущение было странным — ведь у него было всё, чего можно желать, так чего же ему могло не хватать?

Система тем временем продолжала запускать электронные фейерверки: «Растет! Показатель исправления растет! Неужели это потому, что объект стратегии собирается ужинать с отцом и почувствовал его любовь?»

Цзян Синь, хоть и не понимал всех правил, решил приписать всё себе:

— Конечно! Это всё потому, что я — отличная мачеха, и благодаря мне он почувствовал, что в мире есть настоящая любовь и искренность!

Система: «...»

<http://bllate.org/book/22258/2329235>